

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ БАШКИРСКОЙ И ЮЖНО-СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

РАСИХ ЗАЙТУНОВ
ГАЗИЗ БАТТАЛОВ
РИНАТГАТАУЛЛИН

САЛИМААСЛАЕВА
ЕЛЕНА ТИНИКОВА
ЖАННА ЮША

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ БАШКИРСКОЙ И ЮЖНО- СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

**Institution Of Economic Development And Social Researches
Publications®**

(The Licence Number of Publicator: 2014/31220)

TURKEY TR: +90 342 606 06 75

USA: +1 631 685 0 853

E posta: kongreiksad@gmail.com

www.iksad.org

www.iksadkongre.org

Kitabın tüm hakları İKSAD Yayınevi'ne aittir.

İzinsiz çoğaltılamaz, kopyalanamaz.

Metinlerden etik ve yasal olarak yazarlar sorumludur

Iksad Publications- 2018© ISBN- 978-605-7510-38-9

СОДЕРЖАНИЕ

РАСИХ ЗАЙТУНОВ

ГАЗИЗ БАТТАЛОВ

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЭТНОГРАФ И АНТРОПОЛОГ СТЕФANO
СОММЬЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАННЕЙ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО
НАРОДА

4

РИНАТ ГАТАУЛЛИН

САЛИМА АСЛАЕВА

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

15

ЕЛЕНА ТИНИКОВА

АДАПТАЦИЯ ТЮРКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ К ГОРОДСКИМ
УСЛОВИЯМ В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: К ПОСТАНОВКЕ
ПРОБЛЕМЫ

39

ЖАННА ЮША

ТУВИНЦЫ КИТАЯ В XXI ВЕКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

59

**ИТАЛЬЯНСКИЙ ЭТНОГРАФ И
АНТРОПОЛОГ СТЕФАНО СОММЬЕ О
ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАННЕЙ ИСТОРИИ
БАШКИРСКОГО НАРОДА.**

**Расих Зайтунов к.и.н., доцент
Газиз Батталов, студент**

Перу известного итальянского исследователя Стефано Соммье (1848-1922 гг.) [1] принадлежит книга под названием «Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир», которая была издана в 1885 году во Флоренции. В 2012 году она была переведена на русский язык и опубликована под редакцией историка, члена Союза писателей Российской Федерации Я.А. Яковлева [2].

Работа С.Соммье представляет большой интерес для исследователя, так как она построена на наблюдениях из повседневной жизни и этнографических сюжетов в виде описания быта и занятий отдельных народов. Одновременно автор обращает внимание на этимологическое происхождение и раннюю историю народов.

Целую главу посвящает описанию своего пребывания на территории Оренбургской губернии. Так, он в подробностях описывает свое путешествие от Верхнеуральска до Оренбурга. Этот маршрут пролегал по течению реки Яик через Уральские горы с последующим посещением сел Рахметово, Ташбулатово, Кидрасово, Билалово, Темясово, Первое Иткулово, Юлук, Преображенское, Берзяк, Кугарчи, Спасское и

с последующим пребыванием на конечный пункт в город Оренбург[3, С.539-603].

В деревне Ташбулатово Верхнеуральского уезда С.Соммье пришлось задержаться на два дня, которые им были использованы с пользой. Хозяин дома М. Ситдик, где остановился итальянец, угостил важного гостя бишбарамаком (башкирское блюдо) под мелодичную музыку курая (башкирская флейта). «Мелодии были милы, ритм четкий; эта музыка чем-то напоминало пастушьи песни Швейцарии и Тироля...», - отметил С.Соммье. Особый интерес вызывает исследование Стефано Соммье относительно этимологии названия башкир. «Как мне сказали, - подчеркивает исследователь, - название «башкиры» происходит от слов «баш [bas]» - «голова» и «ир [ir]» - «человек».

...Название может происходить и от тюркского «баш [bas]» - «голова» и «кир [kir]» - «рыжий». Возможно, это намек не на цвет волос, а на цвет головных уборов. У другого исследователя Эрмана другое мнение: он считает, что «башкир» этимологизируется как «остриженная голова» (от «ba- ś-» - «голова» и «kirghamen» - «стричь»)[4, С.550].

С. Соммье был представителем итальяно-флорентийской научной школы, которая в конце XIX – начале XX века переживала свой расцвет. Его суждения опираются на фундаментальные исследования таких ученых и путешественников, как Гильом де Рубрук, Сан Луиджи, Джованни Плато Карпини, Уйфальви, Ибн Фадлан и многих других.

В разделе «Родственные связи с мадьярами» Стефано Соммье обращает внимание своего читателя на некоторые факты о происхождении венгров от башкир. Прежде всего, автор отметил работы Гильома де Рубрука, в котором указывается, что «...язык паскатир и венгров - один и тот же; это - пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией и из этой земли паскатир вышли гунны, впоследствии венгры, а это, собственно, и есть Великая Булгария»[5].

Соммье обращает внимание на гипотезу Плано Карпини, который называл башкирские земли Великой Венгрией. Таким образом, автор популяризует мнение о родстве башкир и венгров.

Не менее интересными представляется ссылка автора на исследование барона Сигизмунда фон Герберштейна [6]. Этот автор характеризовал «Югрию (под названием которой подразумевал земли вогулов, остяков и, возможно, в какой-то мере башкир[7, С.552]) как историческую родину венгров.

Соммье обращает внимание на работы Эрмана, где прослежена связь башкир с аргиппеями («всадники на белых лошадях») и подчеркивает значение сведений арабского путешественника Ибн Фадлана за 921 год. Последний дает сведения о «башхурдах» и местом их проживания определяет «седьмой климат» в виде территории Урало-Поволжья.

Таким образом, работа Стефано Соммье «Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир» является показательной в том отношении, что представители европейской научной школы конца XIX-начала XX в. использовали комплексный анализ разнообразных исторических и этнографических источников. Выводы и заключения автора являются важной основой для дальнейших изысканий по различным аспектам древней башкирской истории.

Источники и литература, примечания

1. Стефано Соммье был секретарем по международным отношениям «Итальянского общества антропологии, этнологии и сравнительной психологии», который располагался во Флоренции. Маршрут ученого-путешественника пролегал через поволжские города Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург, Самару, а затем продолжился в Перми, Тагиле и в Тюмени. Из конечного пункта с Тобольска С.Соммье решает вернуться в Европу иной дорогой: через Верхнеуральск и Оренбург. Данное обстоятельство позволяет ему написать последнюю главу «Через Уральские горы из Верхнеуральска в Оренбург. Земли башкир».

2. Соммье С. «Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и

башкир»/ Пер. с ит. А.А. Переваловой; Под ред. Я.А. Яковлева. –Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2012. -640 с., ил.

3. Соммье С. «Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир»/ Пер. с ит. А.А. Переваловой; Под ред. Я.А. Яковлева. –Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2012. С.539-603.

4. Соммье С. «Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир»/ Пер. с ит. А.А. Переваловой; Под ред. Я.А. Яковлева. –Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2012. С.550.

5. Гильом де Рубрук посетил территорию южного Урала по заданию короля Франции Людовика IX в середине XIII в.

6. Сигизмунд фон Герберштейн, приближенный царским указом к Московскому двору, в первой половине XVI в. Автор работы «Записки о Московии».

7. Сомье С. «Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир»/ Пер. с ит. А.А. Переваловой; Под ред. Я.А. Яковлева. –Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2012. С.552.

**ОСОБЕННОСТИ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В
ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ¹**

Ринат Гатауллин, д.э.н., профессор

Салима Аслаева, к.э.н.

Институциональное развитие суть - общественно-политического процесса, который в Республике Башкортостан не только является органической частью ситуации, сложившейся в Российской Федерации, но и имеет свои особенности в рамках федеративного устройства страны.

¹ Данное исследование выполнено в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме «Нивелирование пространственной поляризации разноуровневых территориальных систем в условиях формирования технологического прорыва» (№ госрегистрации АААА-А17-117021310209-5)

Однако эти особенности до сих пор не могут носить судьбоносный характер. Проблемы, возникающие в сфере общественно-политической системы, являются общими как для России в целом, так и для республики.

До начала политической реформы, инициированной руководством КПСС в конце 80-х годов XX в., Башкирская АССР (БАССР) являлась составной частью унитарной государственной системы. Несмотря на конституционно закрепленные статус и полномочия, республиканские органы власти не были самостоятельными. Представительные органы власти Башкирии, как и других республик СССР, в условиях закрытой системы реально не влияли на процесс принятия решений, вырабатываемых на партийном уровне [1].

В конце 80-х годов в регионах СССР и РСФСР формировалось и набирало силу антикоммунистическое движение, в Башкирии же вплоть до 1990 г. позиции обкома КПСС оставались довольно устойчивыми. Новый этап формирования политического режима, трансформации системы органов власти в регионе связан с избранием Верховного Совета БАССР XIII созыва (1990–1995). Выборы показали слабость республиканских общественно-политических и национальных объединений, находившихся тогда в стадии становления и не способных составить конкуренцию представителям партийной, хозяйственной и административной номенклатуры, получившим в результате выборов демократическую легитимацию.

Выборы на пост председателя Верховного Совета БАССР состоялись на 1-й сессии, начавшейся 4 апреля 1990 г. На эту должность претендовали 8 народных депутатов. Программные заявления кандидатов почти не различались по содержанию. Практически все они говорили о расширении самостоятельности республики, необходимости решения экологических и социально-экономических проблем. Более заметно был выражен тезис о самостоятельности республики у М. Рахимова – он обещал добиваться как экономического, так и политического суверенитета, предложил двухпалатную структуру парламента (Съезд – Верховный Совет), единое налогообложение. М. Рахимов позиционировал себя как крупного

хозяйственника, имеющего ресурсы и знающего пути решения проблем республики. Подчеркивая важность повышения качества здравоохранения и поддержки села, расширения компетенции республиканских и местных органов власти, М. Рахимов отмечал: «Ускорение решения этих вопросов возможно при увеличении бюджетных ассигнований на здравоохранение и при ежегодном выделении валютных средств промышленных предприятий на приобретение новейшей аппаратуры... Без помощи промышленных предприятий мы это не сделаем... Надо поощрять расширение внешних экономических связей, используя... результаты на удовлетворение интересов всех слоев населения. Пока мы должны

решать эти проблемы за счет валютных отчислений».

В отличие от других кандидатов на пост председателя Верховного Совета БАССР, в основном функционеров КПСС, М. Рахимов имел опыт политической деятельности не только внутри республики – в 1989 г. он был избран народным депутатом СССР. Уже в этой роли он попытался выступить в качестве примирителя разных интересов, избегая крайних позиций.

В условиях федерализации его фигура стала точкой опоры для местной элиты в борьбе с центром за контроль над региональными ресурсами.

Первый этап утверждения власти М. Рахимова и Верховного Совета был связан с провозглашением суверенитета республики.

Посетивший республику Б. Ельцин произнес свою знаменитую фразу о том, что Башкирия может взять столько власти, сколько она «проглотит». К концу лета в республиканской печати был опубликован ряд проектов Декларации о государственном суверенитете Башкортостана (среди них официальными можно считать проекты, подготовленные Президиумом Верховного Совета и Совмином). Главной проблемой, вокруг которой развернулась дискуссия, стал вопрос о месте республики в составе СССР и РСФСР. В отличие от проекта Президиума, которым Башкирия провозглашалась только субъектом СССР, в правительственном варианте республика, повысив свой статус до союзной, все-таки оставалась в составе РСФСР. Это отражало ориентиры руководства

правительства, поскольку оно находилось в сфере влияния исполнительной власти РСФСР. Пытаясь успокоить оппонентов, М. Рахимов заявил, что провозглашение суверенитета не означает одностороннего разрыва отношений Башкирии с Россией и СССР, что Декларация утверждает равноправие национальностей, подчеркнул необходимость подписания союзного договора.

В соответствии с поправками 1991 г. в ст. 102, 103 Конституции БАССР председатель Верховного Совета приобрел статус высшего должностного лица республики, осуществляющего представительство в отношениях с органами СССР, РСФСР, включая международный уровень, и получил право издавать указы и распоряжения,

обязательные на всей территории республики. Председатель Верховного Совета мог вносить предложения по изменению и преобразованию структуры и персонального состава правительства, других органов исполнительной власти и о назначаемых ими должностных лицах в Верховный Совет, а между сессиями – в Президиум, то есть все назначения теперь должны были согласовываться с председателем Верховного Совета. Кроме того, председатель Верховного Совета республики мог вносить предложения, касающиеся персонального состава Комитета конституционного надзора. Поправки в ст. 111, 112 закрепили подотчетность Совмина Президиуму Верховного Совета.

19 августа 1991 г. группа консервативно настроенных деятелей из руководства ЦК КПСС предприняла попытку отстранения президента СССР М. Горбачёва от власти и смены проводимого им курса «Перестройки». После провала августовского путча в Москве М. Рахимов был в числе глав республик, подписавших обращение о приверженности принципу «единой и неделимой России». Из анализа ситуации, сложившейся после августовского путча, можно сделать вывод, что политическая система республики имела возможность альтернативного развития.

25 декабря 1991 г. был созван 6-й (внеочередной) Всебашкирский съезд, провозгласивший создание Башкирского народного конгресса, что мотивировалось образованием «независимого

демократического государства Башкортостан». В резолюции съезда признавался неприемлемым для республики проект новой Конституции России, направленный на «ликвидацию существующих урезанных форм государственности нерусских народов». Непосредственно после этого, 28 марта 1992 г., сформировалось общественно-политическое объединение «Русь», которое вскоре наряду с уже существующем татарским общественным центром станут наиболее последовательной оппозиционной правящему режиму группировкой.

Радикальная экономическая реформа, инициированная федеральным центром, встретила сопротивление в республике, значительную долю экономики которой

занимал аграрный сектор. Стратегия «мягкого вхождения в рынок», которую активно продвигал депутат Р. Ф. Гатауллин, легла на благоприятную почву интересов местного директората.

Подписав Федеративный договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации, местное руководство закрепило свою автономию от центра. Был введен институт местной администрации, Президиум Верховного Совета закрепил за собой право назначать глав администраций.

К 1993 г. в руках правящей группы, возглавляемой М. Рахимовым, были практически все рычаги власти. М. Рахимов одержал победу на президентских выборах. Его поддержали чиновники всех уровней и башкирские национальные силы.

Политико-правовые конфликты между республиканской и федеральной властями, их столкновения в ходе избирательной кампании в Госдуму РФ в 1999 г. показали слабость стратегии руководства республики в новых условиях.

Федеральное Собрание РФ в июне 1999 г. приняло закон «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной

власти субъектов Российской Федерации». Это был один из первых серьезных шагов федерального центра по ограничению региональной власти, и он вызвал негативную реакцию руководства Башкирии

31 декабря 1999 г. подал в отставку президент России Б. Ельцин. Региональные лидеры и основатели движения «Вся Россия» В. Яковлев, М. Шаймиев и М. Рахимов поспешили заявить о своей полной поддержке на предстоящих 26 марта 2000 г. президентских выборах кандидатуры исполняющего обязанности президента РФ В. Путина. 5 февраля 2000 г. в Уфе состоялась учредительная конференция республиканского политического общественного движения «Единство». Руководство республики окончательно

перешло под знамена «Единства» после выборов. В числе кредителй «Единства» оказалась и часть башкирской оппозиции во главе Р.Ф. Гатауллина (Партия справедливости и порядка РБ) в составе объединения «Рефах». Путин одержал уверенную победу, набрав в среднем по республике более 60 % голосов.

Руководство республики откликнулось на требование исполняющего обязанности президента РФ В. Путина привести местные законы в соответствие с федеральными еще до подписания главой государства указов по укреплению вертикали власти.

7 декабря 2003 г. состоялись выборы президента Республики Башкортостан. результатом победителем во втором туре был объявлен М. Рахимов. Выборы показали

существование начала межнациональных противоречий, когда избиратели каждой нации (башкиры, татары и русские) голосовали за представителя своего народа.

15 июля 2010 г. президент России Д.А. Медведев принял отставку президента Башкирии М. Рахимова и назначил заместителя председателя правления ОАО «РусГидро» Р. Хамитова исполняющим обязанности президента республики. 19 июля 2010 г. Госсобрание – Курултай – Республики Башкортостан утвердило Р. Хамитова в должности главы республики. В Википедии в статье «Рустэм Закиевич Хамитов» содержится информация о трудовых достижениях нового президента [3]. Среди руководителей российских регионов по

степени влияния, согласно рейтингу он занимает призовые места.

В 2011–2012 гг. повысились показатели инвестиционной привлекательности региона. Среди событий 2010–2013 гг. можно отметить открытую конфронтацию Р. Хамитова с бывшим президентом. Смена власти в Башкирии в 2010 г. по объективным причинам усложнила общественно-политическую ситуацию в регионе. Республика стала менее суверенной, РБ потеряла многие крупные предприятия. При этом был реализован инвестиционный проект «Кроношпан – Башкортостан». Кроношпан является одним из крупнейших участников мирового рынка глубокой переработки древесины, специализируясь на производстве древесных плит, ламинатной

продукции и лесозаготовки. Ежегодно заводом Кроншпан будет вырубаться по 4 млн м³ древесины, когда как республикой до этого вырубалось – 3,3 млн м³, т.е. будет массовая вырубка деревьев, возникнет острый дефицит лесных ресурсов. Есть опасения, что новое производство, прежде всего, приведет к истощению запасов хвойной древесины. Местные жители выступили резко против строительства данного завода [4].

В частности, наряду с болезненным процессом смены местной политической элиты произошло резкое усиление религиозного и национального факторов, возникли новые конфликтные разломы в сфере межнациональных отношений, было отменено обязательное преподавание

башкирского языка в школах. Подчеркивается, что общественно-политическая ситуация в Республике Башкортостан в настоящий момент характеризуется устойчивой нестабильностью. Многие общественные деятели и политики республики, которые связывали со сменой первого лица надежды на изменение ситуации, выражают недовольство и несогласие с существующим положением вещей.

Сегодняшняя ситуация такова – наша республика, как страна в целом, вступила в полосу экономического кризиса, который во многом вызван действиями группы развитых стран, чья экономика и определяет тренд общемирового развития.

Республика Башкортостан имеет низкие темпы развития инноваций. В 2011–2013 гг. число созданных передовых технологий сократилось с 8 до 5. В 2012–2013 гг. принципиально новых технологий в РБ не было вовсе создано. Относительно низкий уровень институционального развития Республики Башкортостан отражается в финансовых результатах предприятий [5]. Республика по величине сальдированного финансового результата в последние годы уступает Республики Татарстан и Самарской области. Последние годы в Республике Башкортостан, как и в России в целом, наблюдался устойчивый рост среднедушевых денежных доходов. Показатель среднемесячной заработной платы в 2014 г. по Республике Башкортостан немногим

выше, чем в среднем по ПФО (7 место), но ниже среднероссийского показателя.

В то же время все чаще звучат оценки, что трудно признать Хамитова лидером, который стал мотором в социально-экономическом развитии республики. Более того, все очевиднее отсутствие каких-либо принципиальных шагов в модернизации республики в направлении способном обеспечить устойчивость ее развития.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Институциональные основы развития Республики Башкортостан : монография / под общ. ред. чл.-кор. РАН, советника РАН, д-ра экон. наук, проф. Х.Н. Гизатуллина и д-ра экон. наук, проф. В.К. Нусратуллина ; Уфимский научный центр РАН ; Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ). – Уфа, 2014. – 160 с.

2. Стенографический отчет Верховного Совета Башкирской АССР XII созыва. Первая сессия Верховного Совета. Уфа, 1990. С. 30.

3. См.: Хамитов, Рустэм Закиевич // Википедия : свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 01.02.2018).

4. Башкортостан: путь в будущее: монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. Р.Ф. Гатауллина; Уфимский научный центр РАН; Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ). – Уфа, 2017. – 84 с.

5. Гатауллин Р.Ф. Инновационный потенциал Республики Башкортостан: оценка и эффективность использования // Journal of Yeni Türkiye. – 2017. – №98. – С. 596-600 (0,4 п.л.).

**АДАПТАЦИЯ ТЮРКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ
К ГОРОДСКИМ УСЛОВИЯМ В КОНЦЕ XX -
НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Елена Тиникова, к.и.н.

*Работа выполнена при поддержке
гранта Президента Российской Федерации
для государственной поддержки молодых
российских ученых - кандидатов наук*

(№ МК-6401.2018.6)

Российская историческая урбанистика сегодня является весьма популярным направлением в социально-гуманитарных науках и находится на стадии институционализации. Об этом свидетельствует рост количества публикаций

по данной тематике, а также число проводимых научных конференций, посвященных истории российского города. Одним из перспективных направлений современной урбанистики можно считать изучение проблемы социальной адаптации сельских мигрантов к городской среде.

Для Южной Сибири с учетом ее национальной специфики проблема социальной адаптации сельских мигрантов к городским условиям через изучение адаптационных процессов коренного тюркского населения является особо значимой.

После распада СССР изменились характер и вектор соотношения городского и сельского населения. Начиная с 1991 года городское население стало сокращаться.

Происходило это не только за счет снижения естественного прироста городского населения и «административной рураризации» (то есть сокращение сети поселков городского типа в пользу статуса «сельских населенных пунктов»), но в том числе из-за обратного оттока населения в сельскую местность. Только за 1991-1992 годы в село из города мигрировало около 120 тысяч человек. Оставшиеся же в городах многие недавние городские жители (в первом или втором поколении) с целью адаптации к новым социально-экономическим реалиям, стали комбинировать возможности города и деревни. Начался феномен «дачеизации». И если в период благополучных 2000-х годов данная тенденция в регионах пошла на спад,

то в условиях нового экономического кризиса многие горожане вновь стали использовать свои дачи в качестве сельскохозяйственных земель.

Во многом данные процессы обусловлены особенностями советской модели урбанизации, а именно ее ускоренными темпами. Когда в результате интенсивного индустриального освоения страны во второй половине XX века в городские поселения хлынул миграционный поток из села. Однако за небольшой период (всего несколько десятилетий) новые городские жители не успели адаптировать к новым городским реалиям, полностью вписаться в социокультурное пространство города. Но если для восточнославянских народов, проживающих на территории

Южной Сибири, адаптация проходила спокойнее, то для тюркоязычных народов она сопровождалась необходимостью преодоления дополнительных барьеров, прежде всего, языкового.

В результате уровень урбанизации коренного городского населения в национальных республиках Южной Сибири сегодня сравнительно не высок. В Хакасии, например, согласно Всероссийской переписи 2010 года лишь чуть больше 38% хакасов проживало в городских поселениях республики, в Горном Алтае всего около четверти алтайцев являются городскими жителями². Для тувинцев также характерна

² Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальный сайт:
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

малая территориальная мобильность: согласно проведенному в 2014 году социологическому опросу 70% горожан-тувинцев проживали в течение жизни в одном городе, 24% - в двух городах и лишь 6% сменили более двух городов в качестве места жительства³.

Для определения роли этнического фактора (различия между группами городского населения в языке, материальной и духовной культуре, быте, привычках и навыках) как ключевого для адаптации к новому месту жительства и новым занятиям необходимо учитывать современные тренды в развитии городской и сельской среды, а также особенности социально-

³ Хольшина М.А., Брюханцева О.А. Анализ адаптации горожан и сельских жителей коренной национальности Республики Тува // Молодой ученый. 2015. № 23. С. 856.

демографического развития изучаемых этносов.

Дело в том, что сегодня уже достаточно сложно провести четкую границу между городом и селом: «сельская» среда уже не является типично сельской. Особенно если речь идет о крупных селах или расположенных близко с городскими поселениями. Жители таких сел часто бывают в городе, а зачастую работают там.

Проведенные среди тувинцев и хакасов социологические опросы свидетельствуют о том, что сельское коренное население республик Южной Сибири имеет достаточно широкую и объективную информацию о городском образе жизни. Это обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, многие респонденты имеют опыт

проживания в городе в период получения среднего специального или высшего профессионального образования. Во-вторых, значительная часть респондентов (60% опрошенных в селе тувинцев⁴) работали или сейчас работают в городе. В-третьих, миграции в города привели к тому, что подавляющее большинство респондентов в сельской местности имеют близких родственников в городах (98,2% опрошенных в селе хакасов⁵). Контакты же с городскими родственниками и друзьями способствуют распространению урбанистических форм культуры в сельской местности.

⁴ Анайбан З.В., Тюхтенева С.П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М., 2008. С. 58.

⁵ Кривоногов В.П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан, 2011. С. 22

Поэтому сельский образ жизни во многом утрачивает свои традиционные характеристики. Однако исследователи отмечают следующие сохранившиеся его особенности: ограниченность в выборе формы досуга, культурной деятельности, отсутствие развитой рыночной инфраструктуры, ведение личных подсобных хозяйств, преобладание среди населения людей пенсионного возраста, занятость населения преимущественно в аграрном секторе⁶.

Урбанизационные процессы среди коренного населения Южной Сибири способствуют резкому учащению разного рода контактов тюркских народов с

⁶ Ефимова А. А. Образ жизни сельского жителя // Молодой ученый. 2015. №20. С. 412.

окружающим населением, что влечет за собой перманентную межэтническую интеграцию и ассимиляцию. Данные тренды не могут не сказаться на проблеме этнической идентичности этих народов, особенно если речь идет о метисах, рожденных в смешанных браках.

Учеными установлено, что в условиях изменяющегося общества, трансформации привычного уклада жизни несколько изменяется функциональная составляющая этничности, которая начинает защищать индивида от общих катаклизмов и помогает ему в этом адаптационном процессе,

облегчает интеграцию в новых условиях с помощью этнической самоорганизации⁷.

Следует отметить тот факт, что многие тюрки Южной Сибири помимо этнокультурных проблем адаптации к городской среде сталкиваются с еще одной трудностью - их внешнее отличие от основной массы горожан европейской внешности. З.В. Анайбан, В.А. Тишкова полагают, что именно внешний облик делает межгрупповую дистанцию более значимой, чем весь остальной набор культурных и политических характеристик⁸.

⁷ Анайбан З.В., Тюхтенева С.П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М., 2008. С. 120.

⁸ Там же. С. 120.

Под руководством З.В. Анайбан еще в 2006 году был проведен этносоциологический опрос среди жителей Южной Сибири, результаты которого оказались весьма любопытными. Так, в Туве взаимосвязь и взаимозависимость таких показателей как важность этнической принадлежности и оценка жизни у всех жителей Тувы вне зависимости от национальной принадлежности выражена одинаково в равной степени, в то время как в Хакасии эта связь более четко обозначилась у представителей титульной национальности, чем у русских. Таким образом, более приспособленными к современной жизни оказались тувинцы, для которых этническая принадлежность не представляет особой значимости.

В целом Зоя Васильевна отмечает, что «актуализированная этничность помогает русским легче приспособляться к новой жизни, а тувинцев мобилизует на борьбу с трудностями, давая им определенную психологическую опору, что, в свою очередь, можно прогнозировать в качестве пролога их будущей адаптации»⁹. Полагаем, что данное утверждение справедливо и в отношении хакасов и алтайцев.

Однако роль национального языка в социальной адаптации к городским условиям значительно отличается у хакасов, тувинцев и алтайцев. Связано это, прежде всего, с особенностями национального состава республик Южной Сибири. В Хакасии, где численность хакасов на протяжении XX -

⁹ Там же. С. 126 - 127.

начале XXI века колебалась в районе 12%, несмотря на юридическое признание равноправного функционирования русского и хакасского языков в качестве государственных, хакасский язык так и не стал повсеместно использоваться. Хакасский язык сегодня занесен в Красную книгу исчезающих языков ЮНЕСКО. Неуклонно сокращается число хакасов, говорящих на родном языке. По данным же современных социолингвистических исследований, язык своей национальности считают родным 80% хакасов (среди молодежи 20 - 24 лет - 56%), но совершенно свободно владеют родным языком менее половины хакасов (42%), причем преимущественно проживающих в сельской местности. Пятая часть говорит на

хакасском языке с большими затруднениями, каждый десятый вообще не говорит на нем. Как средство общения в семье хакасский язык используют около 5% хакасов, 67% разговаривают на хакасском и русском, остальные только на русском. В производственной сфере почти во всех возрастных и социально-профессиональных группах основным языком общения является русский язык¹⁰.

Противоположная языковая ситуация наблюдается сегодня в Туве, где численность тувинцев существенно превалирует и составляет более двух третей населения республики. Здесь родным языком владеют 98,6% тувинцев, на русском же языке думают

¹⁰ Грошева Г.В. Этничность в научном и политическом дискурсе современной Хакасии (конец XX - начало XXI века) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 64.

и свободно говорят - всего 53%. По результатам опроса, проведенного под руководством З.В. Анайбан, 97% городских тувинцев разговаривают дома на родном языке и лишь 3% используют в семейно-бытовом общении в равной степени оба языка¹¹. Естественно, именно языковой барьер в Туве дополнительно осложняет адаптацию тувинцев к городской среде. Похожая ситуация сложилась на Алтае, здесь около 86% алтайцев указывают родным алтайский язык, в городе Горно-Алтайске этот показатель ниже - 77,6%¹².

Следует отметить, что изучение адаптации коренных народов Южной Сибири

¹¹ Анайбан З.В., Тюхтенева С.П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М., 2008. С. 56.

¹² Национальный состав населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2. Горно-Алтайск, 2005. С. 21

к городским условиям может стать актуальной темой отдельного междисциплинарного исследования. В Хакасии усилиями молодых ученых Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории такая работа начала проводится в 2018 году в рамках Гранта Президента РФ. Планируется на обширном фактическом материале разработать региональную модель адаптационных процессов в городских поселениях Хакасии среди коренного населения. Это позволит не только решить ряд теоретических проблем, связанных с оценкой современной российской модели урбанизации, но в том числе по-новому взглянуть на социальные проблемы современного периферийного города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всебросийская перепись населения 2010 года. Официальный сайт: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

2. Хольшина М.А., Брюханцева О.А. Анализ адаптации горожан и сельских жителей коренной национальности Республики Тува // Молодой ученый. 2015. № 23. С. 856.

3. Анайбан З.В., Тюхтенева С.П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М., 2008. С. 58.

4. Кривоногов В.П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан, 2011. С. 22.

5. Ефимова А. А. Образ жизни сельского жителя // Молодой ученый. 2015. №20. С. 412.

6. Анайбан З.В., Тюхтенева С.П. Этнокультурная адаптация населения Южной

Сибири (современный период). М., 2008. С. 120.

7. Там же. С. 120.

8. Там же. С. 126 - 127.

9. Грошева Г.В. Этничность в научном и политическом дискурсе современной Хакасии (конец XX - начало XXI века) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 64.

10. Анайбан З.В., Тюхтенева С.П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М., 2008. С. 56.

11. Национальный состав населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2. Горно-Алтайск, 2005. С. 21.

ТУВИНЦЫ КИТАЯ В XXI ВЕКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Жанна Юша, к.ф.н.

Тувинцы Китая — малочисленная этническая группа, компактно проживающая в многонациональном Алтайском аймаке Или-Казахской области Синьцзян-Уйгурского автономного района, расположенного в северной части КНР, на юге Алтайских гор, называемых Китайским Алтаем. Территория проживания тувинцев Или-Казахского аймака граничит на юге — с Россией (Республика Алтай), на западе — с Казахстаном, на востоке — с Монголией (Ховдинский аймак).

В Или-Казахской области, по сравнению с остальной территорией Китая, до сих пор наблюдается низкая плотность населения. По

китайским меркам, этот район является малонаселенным и экономически не развитым. Административный центр Алтайского аймака располагается в городе Алтай. В настоящее время на территории аймака живут представители семнадцати национальностей: китайцы, дунгане, казахи, кыргызы, монголы, узбеки, уйгуры, урянхайцы, маньчжуры, русские, хуэй и др. Они отличаются друг от друга хозяйственно-культурным типом (земледельческий, кочевой), духовно-материальной культурой, конфессиональной принадлежностью к разным мировым религиям (буддизм, ислам, христианство).

Цель доклада — проанализировать современное состояние традиционной культуры, хозяйственных занятий, образа жизни и

быта всех дисперсных групп китайских тувинцев в XXI веке; рассмотреть вопросы расселения, самоидентификации, этнического состава, а также сохранность религиозных представлений.

Источниками для написания доклада выступили полевые материалы автора, записанные в ходе комплексных экспедиций 2010–2016 гг., проведенных в местах проживания тувинцев в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Или-Казахской области Алтайского аймака. Результаты отдельных направлений исследований публиковались нами в разных научных изданиях (Юша, 2013ab, 2014abc, 2016ab; Yusha, 2014, 2016ab).

Места расселения. Китайские тувинцы компактно расселены в населенных пунктах

Ак-Хаба, Ханас, Хом, Кок-Догай, Тамыкы, Ала-Хаак. В этих местностях китайские тувинцы проживают совместно с численно преобладающим казахским населением. Тувинские семьи имеются также в городах районного назначения Хаба, Бурчин, Алтай, Бейтун Алтайского аймака. Территория проживания тувинцев образует три «очага». Основное тувинское население расселено в трех деревнях: Ак-Хаба — Ханас — Хом. В значительном отдалении от этих населенных пунктов, в южной части Алтайского аймака, на границе с Ховдинским аймаком Монголии находятся деревня Тамыкы и районный центр Кок-Догай, где проживают тувинцы.

Некоторая часть тувинского населения, ранее жившая в местностях Буурул-Догай и Чингил, в настоящее время утратила родной

язык, этническую идентичность, ассимилировалась и считает себя монголами. Как отмечала М.В. Монгуш, «живя длительное время в иноэтничной среде, они постепенно подверглись процессу естественной ассимиляции, в результате которого какая-то часть тувинского населения полностью потеряла свой родной язык и вошла в состав других народов» (Монгуш, 1997: 16). С. М. Абрамзон, исследуя этногенез киргизов Китая, установил, что небольшая группа тувинцев (группа кок-мончак) вошла в их состав (Абрамзон, 1961: 121). Кроме этого, отмечаются зафиксированные случаи вхождения иных этносов и в родоплеменной состав китайских тувинцев. По рассказам наших информантов, в начале XX в. из Горного Алтая, спасаясь от советской власти,

в Китай перекочевали представители алтайских сеоков, которые ассимилировались с китайскими тувинцами, их потомки не знают алтайского языка, считают себя тувинцами, хотя помнят, что их предки пришли с российского Алтая.

Почти до конца XX века район проживания тувинцев был изолирован от остальной территории Китая ввиду отсутствия дорог. По территориальному подразделению, принятому в Китае, уезд (кит. — *сип*) является самой мелкой единицей районного масштаба. Эта же единица деления называется тувинским словом кыстак. По административному делению деревни-уезды (*кыстак*) Ханас и Хом подчиняются районному центру городу Бурчин. Деревня-уезд Ак-Хаба имеет подчинение районному

центру Хаба. Административным центром деревни-уезда Ала-Хаак является город Алтай, деревни-уезда Тамыкы — районный центр Кок-Догай.

Китайский Алтай тувинцы считают своей родиной, здесь издавна кочевали их предки. По устному свидетельству тувинцев, раньше их территория проживания была намного больше, чем сейчас. В конце XIX в. — в 1864 г., когда Казахстан вошел в состав Российской империи, в результате войны тувинцев с русскими войсками южная приграничная часть Китайского Алтая оказалась на территории Казахстана (озера Марга-Хол, Чайсан-Хол, м. Шаңгыштай-Буурел). Эти события подтверждаются историческими материалами. В частности, о проблемах казахского населения,

разделенного границей, историк Н. Н. Аблажей пишет: «Демаркизация российско-китайской границы в районе Синьцзяна, осуществленная в 80-х годах XIX в. после присоединения Средней Азии к Российской империи, привела, как уже говорилось, к территориальному разделению казахского этноса. Поскольку при установлении границы руководствовались главным образом географическими соображениями, казахское население, проживавшее в приграничье, оказалось фактически разделенным. Наряду с традиционной маятниковой и сезонной миграцией, характерной для кочевого населения, на протяжении двух первых десятилетий XX в. происходили также массовые долговременные перемещения населения» (Аблажей, 2007: 47).

Самоназвание и численность.

Самоназвание китайских тувинцев варьируется: кок-мончак, мончак, алдай дывазы, дыва. Все тувинцы записаны в паспортах монголами, что затрудняет установить их реальное количество. Именно как монголы они входят в число 56 официально признанных национальностей, проживающих на территории КНР. За исключением китайцев-ханьцев, тувинцы, как и другие 55 малочисленных народов, считаются «диаспорными этноменьшинствами» (*huaqiao minzu*).

Этноним тыва в Китае еще не распространен. Народности Китая тоже называют тувинцев монголами, а также кок-мончаками, мончаками. В научной же литературе они также обозначены под

разными названиями: алтайские урянхайцы, кок-мончаки, мончаки, джунгарские тувинцы (Монгуш, 1997, 2002, 2010, 2012: Электр. ресурс; Бавуу-Сюрюн, 2011: Электр. ресурс; Geng Shimin, 2005; Mawkanuli, 2005; Song Zhengchun, 2016).

В настоящее время численность китайских тувинцев, по их собственным подсчетам, составляет около 2500 человек. В это число не входят представители родоплеменной группы оорцаг (иначе танды), идентифицирующие себя монголами, хотя они в совершенстве владеют тувинским языком, соблюдают традиционную обрядность и обычаи, присущие тувинцам. Если прибавить их количество, то китайских тувинцев будет насчитываться около 6000 человек. В материнском этносе тувинцев

родоплеменная группа *ооржак* имеется, но они идентифицируют себя тувинцами. По нашим данным, статистическая таблица состава населения поселковых администраций на 2013 г., где тувинцы записаны в качестве монголов, выглядит следующим образом (см. таб. 1):

Таблица № 1. Современное расселение и численность тувинцев в Китае.

Название деревни	Монголы-тувинцы	казахи	дунгане	китайцы	Всего жителей /дворов
Ак-Хаба	386	522	0	5	913 / 125
Ханас	752	127	25	1	905 / 288
Хом	641	750	18	28	1439 / 543

Как видно из представленной таблицы, в названных селах (кроме Ханас) тувинцы преимущественно проживают вместе с казахским населением, в меньшем количестве есть представители монгол, дунган, китайцев. В список не вошло тувинское население Ала-Хаака, где по подсчетам самих тувинцев, насчитывается более 50 тувинских семей. В Тамыкы также имеются более 50 тувинских семей, официально зарегистрированных по месту жительства монголами. Если среди жителей Ак-Хабы, Хом и Ханаса китайцы постоянно не проживают, а в основном, приезжают на заработки в летнее время, то у тувинцев Тамыкы наблюдается большое число местных китайцев.

В последние годы небольшая тувинская группа имеется и в небольших городах административного назначения: Алтай, Хаба, Бурчин. В городе Алтай проживает 10 семей, в Хаба до 2005 года имелось всего 4–5 семей, однако к 2016 г. число тувинских семей увеличилось до 20. Причиной тому явилось то обстоятельство, что монгольскую среднюю школу деревни Ак-Хаба с 7 по 9 класс перенесли в районный центр города Хаба, где преподают учителя тувинской национальности, в связи с чем семьи учителей переехали в город. С 2015 г. монгольскую среднюю школу деревни Хом с 7 по 9 класс перенесли в административный центр Бурчин.

Этнический состав китайских тувинцев состоит из традиционных родоплеменных групп. Пожилые люди до сих пор знают свою генеалогию до седьмого или девятого колена (поколений). Поскольку родство идет по отцовской линии, обычно при перечислении предыдущих поколений называют имена мужчин, обычно при перечислении предыдущих поколений называют имена мужчин, имен сестер не называют, в редких случаях упоминают их количество.

Во время полевых исследований нами зафиксированы следующие одиннадцать тувинских родовых групп (сөөк): *хойук, иргит, чаг-тыва, ак-соян, кара-сал, каратомш, кызыл-соян, хойт, делег, калга, хаа-дарган.*

В свою очередь, некоторые тувинские родоплеменные группы у китайских тувинцев подразделяются на более мелкие патронимии (*салаа*). *Сеок хойук* подразделяется на такие патронимии: *кара-хөйүк; хаа-хөйүк; хөртүгөш-хөйүк; донгак-хөйүк, хүндүгөш-хөйүк, монгуш-хөйүк, хойт хөйүк, шанагаш-хөйүк*. Род *иркит* включает в себя семь подгрупп: *улуг иркит, адай иркит (конгуту), шункуур иркит, моол иркит, боос иркит, калчан иркит, ак иркит*. Родоплеменная группа *чаг-тыва* объединяет в себе две группы: *сарыг чаг-тыва, кара чаг-тыва*. *Сеок кара-сал* подразделяется на *ак-даяк* и *кок-даяк*. Род *кызыл-соян* имеет две патронимии: *толубай* и *сандык*.

В то же время, если в большинстве случаев родовые группы подразделяются на

мелкие подразделения, то можно отметить и такой факт, когда несколько родов объединяются в одну родоплеменную группу под одним названием *дорт сумун* (или *мончак*), куда входят четыре *сеока*: *хойук*, *чаг-тыва*, *иркит*, *хойт*. На звание *мончак* для других народов служит для обозначения национальной принадлежности всех тувинцев. «Возможно, — пишет М. В. Монгуш, — в свое время из числа всех тувиноязычных групп, проживающих в Синьцзяне, мончаки были наиболее многочисленной группой и по этой причине мончаками стали называть всех тувинцев» (Монгуш, 1997: 11).

По рассказам респондентов, когда один из родов разрастался и между ними существовали правила экзогамии, то после

семи поколений проводили необычный шаманский обряд. Он основан на поверии, что после семи-девяти поколений у представителей разных подразделений (*салаа*) одного *сеока* происходит смена крови. По этому случаю две патронимии одной родоплеменной группы, имевшие общего предка в семи поколениях, могут провести специальный обряд, с помощью которого прерывали кровную родственную связь между ними. Для проведения этого ритуала шаман выстраивал представителей двух родов в две шеренги, друг против друга. Каждому в руки он давал черный волосяной аркан, который он разрезал на две части. Считали, что после совершенного обряда прерывалась кровная связь, и в будущем они могли между собой заключать браки,

обмениваться девушками. Эти представления подтверждаются материалами материалами М. В. Монгуш. «Многие пожилые информаторы утверждали, что обычно после седьмого поколения от общего предка род у них разрастается настолько, что на его основе образуется уже два самостоятельных экзогамных рода, которые в отличие от предыдущих, могут обмениваться невестами» (там же: 42).

До XX в. представители каждой тувинской родоплеменной группы имели определенные места проживания и кочевья, свои охотничьи и пастбищные угодья, которые передавались в наследство по мужской линии. В настоящее время тувинские роды также компактно расселены в местах проживания их предков. Как

замечает китайский антрополог Намкамидог, каждый суму-поселение состоит из нескольких родственных групп тувинцев (Namkamidog, 2009). Поскольку при совершении браков соблюдается принцип родовой экзогамии, то в местах проживания определенного рода представителями других родов обычно являются замужние женщины, переехавшие в места проживания супругов.

Религиозные представления. Согласно мифологическим воззрениям китайских тувинцев, как и у других народов Саяно-Алтайского нагорья, Вселенная состоит из трех миров: Верхнего (*Устуу оран*), Среднего (*Ортаа оран*) и Нижнего (*Алдыы оран*). Верховным божеством Верхнего мира является *Курмушту*, владыкой Нижнего мира — *Эрлик-Ловун-хан*. Средний мир населен

людьми, духами-хозяевами местностей (*ээлер*), а также различными мифологическими существами, которые могут навредить человеку: *алмыс*, *бук*, *шулмус*, *чес-тырнак*. По представлениям тувинцев, люди Верхнего мира носят свой пояс на уровне подмышек, Среднего мира — на талии, Нижнего — на бедрах.

Существуют представления, что каждый природный объект Среднего мира (река, гора, местность и др.) имеет своего духа-хозяина *ээзи*, по-другому *саптык*. При почтительном отношении к ним людей они покровительствовали им, приносили удачу в любых делах. Однако духом-хозяином Китайского Алтая китайские тувинцы считают Ак-Огбена (вариант — Сагаан-Огбен), седобородого старца, едущего на белом

воле. В плане иерархии он выше всех духов-хозяев. Ак-огбен является хозяином всей земли и всего, что находится на ней: природных объектов, скота, зверей. Эти воззрения укладываются в общее традиционное понимание мироустройства всеми другими тюрко-монгольскими народами. Например, «представления о хозяине всего Алтая Алтайдын ээзи сохранились в культуре тюркоязычных алтайцев, которые считали его земным божеством со своими функциями и антропоморфным обликом, хотя имя Алтайдын ээзи постепенно стало заменяться теонимом Алтай Кудай» (Тюхтенева, 2009: 139).

У тувинцев Китая сохраняются пережитки культа почитания окружающего мира. Бытуют представления о том, что

каждое живое существо, будь это животное или растение, имеет сагызын (душу). Подобные взгляды отражают неразрывную взаимосвязь человека и природы, характерную для традиционного мировоззрения тувинцев.

До начала культурной революции (до 1966 г.) у китайских тувинцев повсеместно была развита шаманская традиция, которая имела общие черты с шаманизмом народов Саяно-Алтайского нагорья. Шаман считался посредником между миром людей и миром духов. «При проведении обряда он читает шаманские призывания — *алгыштар*, которые представляют собой импровизированные поэтические тексты, обращенные к различным духам-хозяевам местностей или к своим духам-помощникам,

от которых ожидалась помощь или излечение от болезней» (Юша, 2009: 18). Шаманы участвовали в культовых, лечебных и похоронных обрядах. Следует отметить, что, несмотря на официальный запрет шаманства, люди к ним тайно обращались, и они подпольно проводили некоторые лечебные обряды. Шаманы в народе были уважаемыми людьми, их авторитет был беспрекословным.

Среди китайских тувинцев были знаменитые шаманы, имена и деяния которых сохранились до наших дней: Байанбай-хам, Дакай-хам, Орзугур-хам, Дожу-хам, Харсыга-хам, Домбуш-хам, Шокар-хам, Саандей-хам. Ритуальная одежда шамана полностью соответствовала материнской традиции: ритуальный халат, головной убор.

Существовали определенные шаманские атрибуты: бубен (дунгур), колотушка (орба), без которых ни один шаман не имел права вести камлание. По воспоминаниям очевидцев, некоторые шаманы могли вести камлание и с помощью варгана (хомус).

В настоящее время шаманская традиция прервана. Последний шаман Орзугур в возрасте 82 лет ушел из жизни в 2001 г. в Ак-Хабе. В памяти народа сохранились в виде нарративов рассказы о шаманах, об их чудесных способностях и силе.

В наши дни тувинцы не перестали совершать многие исконные обряды, основанные на анимистических представлениях. В религиозной обрядности тувинцев также наблюдается синкретизм всех традиционных

верований: дошаманских, шаманистских и буддийских.

Хозяйственные занятия. В настоящее время тувинцы Китая по типу хозяйствования подразделяются на две группы. Первая группа — горно-таежная, которую составляют жители селений Ак-Хаба, Ханас, Хом. Они занимаются скотоводством: держат крупный и мелкий рогатый скот, разводят лошадей. Вторая, таежно-степная группа — это жители Ала-Хаака, Кок-Догая и Тамыкы, они заняты скотоводством и огородным земледелием, как и местные казахи. Эта часть тувинцев выращивает кукурузу, картофель, бобовые культуры, которые переняли от китайцев-земледельцев.

В летне-осенний период для обеих групп немаловажное значение имеет сбор

дикорастущих растений, ягодный и кедровый промысел. По примеру китайцев некоторые тувинские семьи начали разводить кур, единичные семьи занимаются пчеловодством (например, в деревне Хом семьи сыновей старика Оокея).

Скотоводство. Для всех этнолокальных тувинских групп основным видом хозяйственной деятельности тувинцев являлось кочевое пастбищное скотоводство с круглогодичным выпасом животных и сезонной сменой кочевий (Октябрьская, 2009: 313). Китайские тувинцы разводят четыре вида скота: коров, лошадей, овец и коз. Как и остальные группы тувинцев, скот делят на две разновидности: с “холодным дыханием” (лошади, козы) и “горячим дыханием” (овцы, коровы). Следуя традиционному способу

доения, перед началом дойки к самкам животных подпускают молодняк.

Развитая терминология мастей скота разного вида, а также их наименования по полу и возрасту, богатая скотоводческая лексика свидетельствуют о большой роли скотоводства в хозяйственной жизни китайских тувинцев. Особенно ярко это проявляется в коневодческой лексике: особенности аллюра коней, масти коней, определение возраста лошади по зубам, их половозрастные названия, принадлежности конской упряжи. В фольклорной традиции выращиваемый скот четырех видов прославляется в разных жанрах фольклора.

Учитывая природно-климатические условия региона, в отличие от российских и монгольских тувинцев, здесь не держат

верблюдов и яков-сарлыков. Наибольшее развитие в скотоводстве получило разведение лошадей и крупного рогатого скота, поскольку зимы здесь снежные, осадков выпадает до 2–3 метров, что трудно для содержания большого количества мелко-го рогатого скота. Начиная с середины июля по конец августа — время сенокоса, на зиму для скота готовят большие запасы сена. В зимнее время мелкий рогатый скот находится в основном на подножном корму. Раньше перекочевки устраивали в летнее стойбище, затем осеннее, зимнее и весеннее. В настоящее время в связи с проблемой нехватки земли переезжают только в летние и зимние стойбища.

До наших дней соблюдаются скотоводческие поверья и запреты. Верят, что

если некоторые виды скота приносят двойню, это чревато плохими последствиями для хозяев. Например, если кобылица или корова принесет двойню, это считается плохой приметой, поэтому одного из двойни убивают.

В отличие от основного места расселения китайских тувинцев, в последние годы разведение скота у тувинского населения в местностях Кок-Догай и Тамыкы связано с большими трудностями, так как здесь почти не осталось пастбищных угодий — земля засеяна овощными культурами, основным видом деятельности китайцев. Поэтому у этой части тувинцев скотоводство, как основная отрасль хозяйства, с каждым годом теряет свою актуальность. Тувинская

молодежь вырастает без скотоводческих навыков.

Охота. Охотничий промысел наряду со скотоводством у всех этнолокальных тувинских групп был одним из традиционных занятий, весьма значимой отраслью хозяйства. Китайские тувинцы промышляли белку, зайца, лису, волка, соболя, медведя, косулей, маралов, диких коз, рысей, а также птиц. Охотились верхом на коне, зимой — на лыжах-хаак, подбитых камусом из конской шкуры. Вместо палок использовали деревянный посох (тайак). В охоте применяли луки и стрелы, а затем ружья, использовали силки (*шапкы*), петли (*тузак*), самострелы (*айа*), загороди (*кажаа*). Каждый род имел свои родовые охотничьи уголья, на промысел уходили артелями. По мифологическим

представлениям звери являются собственностью духа-хозяина Алтая Ак-огбена.

С начала 2000-х годов на территории Китайской Народной Республики был введен запрет на охоту и хранение огнестрельного оружия у местного населения. Не стал исключением и район проживания тувинцев, где запрещено охотиться и вырубать деревья. В связи с запретом в 2001 году у всего населения местные власти отобрали охотничьи принадлежности и ружья. Видимо, в связи с установившейся ситуацией запрета на охоту на территории КНР, у китайских тувинцев охотничий промысел уйдет в прошлое, забудутся навыки этого ремесла для последующих поколений. Кроме того, эти же места расселения тувинцев, Ак-Хаба,

Ханас, Хом объявлены одной из заповедных зон и туристических мест Синьцзяна. Поэтому на сегодняшний день для топлива и строительства разрешено подбирать только упавшие деревья.

Развитие этнотуризма. На сегодняшний день Ханас, Хом и Ак-Хаба являются одним из популярных туристических регионов Китая, куда проложена современная автомобильная магистраль. Эти места стали излюбленным местом летнего отдыха многочисленных китайских туристов, куда порой в день прибывает до 20000 человек. Здесь для приезжих построены благоустроенные гостиницы с хорошим сервисом, кафетерии и бары.

В летнее время сюда приезжают люди разных национальностей из многих уголков

Синьцзян-Уйгурского района, чтобы заработать туризмом, нередко выдавая себя тувинцами перед туристами. Также специально приезжают в Ханас и Хом китайцы-предприниматели, арендуя под гостиницы и кафе дома тувинцев.

Сами тувинцы названных сел также занимаются туристическим бизнесом. Хотя пункты общепита открывают лишь единицы некоторые из них продают национальные продукты питания: *хойтпак*, *молочную араку*, *ааржы*. Лишь немногие из тувинцев открыли *чафан* (кит. сл.) — заведение, где туристов знакомят с историей и культурой тувинского народа, показывают национальный танец *бий*, исполняют тувинские песни, играют на музыкальном инструменте *шоор*.

До 2014 г. частные компании, обслуживающие туристов, ежегодно выдавали местному населению (каждому члену семьи) денежные пособия, с тем условием, чтобы они не открывали в своих домах гостиницы для туристов. Считалось, что, если же местные жители будут принимать путешественников у себя дома, это лишит компаний прибыли. Однако в связи с наплывом большого количества туристов, а также политикой местного начальства, в последние годы ситуация изменилась в лучшую сторону. Коренные жители теперь могут открывать в своих домах мини-гостиницы, точки питания, развлекательные центры. Поэтому везде можно наблюдать строительный бум.

При въезде в каждый населенный пункт путешественники оплачивают обязательный туристический налог. Местные власти часть доходов с него направляют на выплату аборигенному населению. Каждый житель Ак-Хабы получает 4000 юаней, Хома — 6000 юаней, Ханаса — 10000 юаней.

До 2013 г. туризм носил сезонный характер, основной поток туристов наблюдался только летом. Поэтому, чтобы привлечь путешественников в зимний сезон, по решению синьцзянских властей, было принято решение развивать существующую инфраструктуру и зимние виды туризма. С осени 2014 г. на территории Ханаса построены современные зимние горнолыжные комплексы,

свидетельствующие о модернизации туристической индустрии.

Администрация сельской местности, где живут тувинцы, стремится поддерживать традиционную культуру и быт тувинцев. Это важно для привлечения туристов-ханьцев, которые платят за то, чтобы полюбоваться живописной природой и экзотикой, увидеть “живую” скотоводов-кочевников как представителей малочисленного вымирающего народа, не имеющего своей национальной письменности, до сих пор живущего в необычных деревянных домах, пасущего скот и едущего на лошадях. Нередко в средствах массовой информации Китая тувинцы представляются как дикий народ, живущий среди гор и тайги, не привыкший к благам цивилизации. Китайский

антрополог Намкамидог считает, что уподобление тувинцев дикарям делается в целях рекламы, чтобы выгодным образом привлечь туристический поток в этот край (Namkamidog, 2009).

В настоящее время, с одной стороны, туризм помогает китайским тувинцам сохранить этническую идентичность и традиционную культуру, привлечь к себе внимание китайского правительства как уникального народа, отличающегося от монголов. Для большинства населения туризм является единственной возможностью заработать деньги. С другой стороны, некоторая часть тувинского населения обеспокоена тем, что в условиях туризма, где развиваются капиталистические денежные отношения, могут нарушиться традиционные

устои народа, когда человек видит во всем только выгоду для себя, начинает заниматься зарабатыванием легких денег. Кроме этого, тревогу у коренного населения вызывает и то обстоятельство, что туристы не всегда соблюдают экологичное отношение к природе, у них нет благоговейного отношения к священным местам тувинцев.

В ноябре 2015 г. местные активисты обратились к музыкантам из Тувы обучить их искусству горлового пения и пригласили преподавателя-горловика. Приехал артист Национального оркестра Тувы Начын Шалык, который обучал желающих в течение месяца. Затем его сменил Радик Тюлюш, музыкант известной этногруппы “Хун-Хурту”, поработавший здесь в течение трех недель. Обучившиеся горловому пению молодые

тувинцы открыли для туристов заведение *чафан*, где выступают перед ними, тем самым, дают отпор приезжим лже-тувинцам, которые на туристическом бизнесе зарабатывают деньги. В их репертуаре исполняются народные песни и *кожамык* российских тувинцев, не характерные для китайских тувинцев. Певцы утверждают, что мелодика своих народных песен не подходит для игры на национальных инструментах.

Взгляды на будущее. Китайских тувинцев, как признавались мне информанты, пугает перспектива утраты национальной культуры, родного языка, традиционной хозяйственной деятельности, экологичной системы природопользования. Причинами для тревоги стали все усиливающееся сокращение этноса,

постепенное влияние иноэтничной культуры, нарастающая ассимиляция китайцев-ханьцев, устная форма родного языка и боязнь его постепенной утраты, будущая модернизация жизненных условий и в целом — потеря традиционной культуры.

В последние годы среди китайских тувинцев наблюдается небывалый рост национального самосознания. Теперь силами местных активистов планируется подготовительная работа по включению китайских тувинцев в список официально признанных национальностей Китая 57-ым народом. Наблюдается попытка реанимировать этноним тыва в пределах Китая в качестве самоназвания народа, чтобы другие этносы в отношении их пользовались этим этнонимом.

Таким образом, этнические тувинцы Китая, несмотря на то, что живут в отрыве от материнского этноса, невзирая на присутствие следующих негативных факторов: отсутствие национально-территориальной государственности; проживание на одной территории разных этносов, принадлежащих к разным культурам и конфессиям; официальное отнесение к монголам; численное преобладание иноязычного населения; пополнение словарной лексики за счет других языков; обучение в школах, сузах, вузах на других языках; устная форма родного языка; устная передача фольклора; отсутствие печатной литературы и СМИ на родном языке; отсутствие телепередач и радиовещания на родном языке; непрестижность тувинского

языка для представителей других национальностей, до настоящего времени продолжают сохранять свою национальную идентичность, родной язык, традиционный фольклор, обычаи и обряды. Однако в условиях многоязычия в тувинской речи часто отмечаются случаи языковой интерференции, где обнаруживаются следы взаимодействий с языками соседних народов: казахов, монголов, китайцев. На это обстоятельство отрицательное влияние оказывает и отсутствие национальной письменности. Необходимо отметить и то, что живя в иноэтничном окружении, у тувинцев происходят процессы постепенной трансформации исконной культуры, усвоения некоторых мифологических представлений: в частности, китайских и монгольских.

В фольклорной традиции суживаются рамки употребления сказок, загадок, пословиц и поговорок, мифологических рассказов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблажей, Н. Н. (2007) С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 300 с.
2. Абрамзон, С. М. (1961) Киргизы Китайской Народной Республики // Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук. Том III, вып. 2. С. 119–132.
3. Бавуу-Сюрюн, М. В. (2011) Социолингвистические заметки о тувинцах Китая [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/445> (дата обращения: 09.01.2017).
4. Монгуш, М. В. (1997) Тувинцы в Китае (историко-этнографический очерк).

Кызыл: Изд.-полигр. комплекс «Эне созу». 78 с.

5. Монгуш, М. В. (2002) Тувинцы Монголии и Китая: Этнодисперсные группы (История и современность). Новосибирск : Наука. 126 с.

6. Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный Музей Этнологии. 358 с.

7. Монгуш, М. В. (2012) У тувинцев Синьцзяна: двадцать лет спустя [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/292> (дата обращения: 09.01.2017).

8. Октябрьская, И. В. (2009) Тувинцы // Историческая Энциклопедия Сибири : в 3 т. / гл. ред. В. А, Ламин. Новосибирск: Изд. дом

«Историческое наследие Сибири». Т. III (С-Я).
С. 313–314.

9. Тюхтенева, С. П. (2009) Земля. Вода. Хан Алтай. Этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста: КалмГУ. 169 с.

10. Юша, Ж. М. (2009) Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск: Апельсин. 166 с.

11. Юша, Ж. М. (2013а) Современное бытование фольклорной традиции у тувинцев Китая // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 56–62.

12. Юша, Ж. М. (2013b) Социолингвистическая ситуация у тувинцев Китая // Материалы Международной конференции «Тюркская руника». Кызыл. С. 157–161.

13. Юша, Ж. М. (2014a) Зарубежные тувинцы в объективе фотокамеры. Тувинцы Китая. Аннотированный фольклорно-этнографический фотоальбом. Новосибирск: Офсет. 160 с.

14. Юша, Ж. М. (2014b) Как встречают Новый год китайские тувинцы // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 67–70.

15. Юша, Ж. М. (2014c) Шоор в традиционной культуре тувинцев Китая [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/179> (дата обращения: 09.01.2017).

16. Юша, Ж. М. (2016a) Тувинцы Китая и Монголии: современное состояние фольклорной традиции // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 5–10.

17. Юша, Ж. М. (2016b) Современное бытование несказочной прозы у тувинцев Китая // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 4. С. 126–131.

18. Geng Shimin (2005) Materials on Tuvinian language of China // Алтайские языки и восточная филология : сборник статей. М.: Восточная лит-ра РАН. С. 409-503.

19. Namkamidog (2009). Xinjiang Tuwaren shenuiwenhua tianyediaocha yu yanjiu. Beijing. (На кит. яз.).

20. Song Zhengchun (2016) Tuwa yu he Tuwaren de dou yu shenghuo (Tuva Language and the multi-lingual life of the Tuvinian people in China). Beijing. (На кит. яз.).

21. Mawkanuli, T. (2005) Jungar Tuvan Texts. Indiana University Bloomington Research Institute for Inner Asian Studies, Bloomington.

22. Yusha, Zh. (2014) Cin ve Mogolistan'daki Tuvalarin Cocuk edebiyatinda sorunlari // I. Uluslararası Çocuk ve Gençlik edebiyati sempozyumu bildirileri. 24-25 Ekim 2014, Maltepe-Istanbul. S. 65–67.

23. Yusha, Zh. (2016a) Let him be gray-headed! Childhood in the modern culture of Chinese Tuvinians // Science first hand. № 1. P. 118–127.

24. Yusha, Zh. (2016b) Cin Tuvalarinin Folkloru (Folklore of Tuvinians of China) // Belleten. Turk Dili Arastirmalari Yilligi. Cilt 61. № 2. S. 261–266.

